

art&cult

арткульт

Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства

№5 (1-2012)

Е.В. Улыбина

ЖЕРТВЕННОСТЬ ГЕРОИНИ РОМАНА: СКОЛЬКО СТОИТ, КТО ПЛАТИТ?

На материале образа героини романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого Дарьи Александровны Облонской рассматривается психология материнской жертвенности и психологический смысл ее позитивной оценки с позиций коллективистских ценностей.

Ключевые слова: мазохизм, аддикция, жертвенность, Анна Каренина, Л. Толстой.

The image of Daria (Dolly) Oblonskaya from the novel "Anna Karenina" by Leo Tolstoy allows us to investigate psychological aspects of the victimized side of motherhood experience and internal sense of the positive treatment of the image as seen from the point of dominant collective values.

Keywords: masochism, addiction, victim and victimization, Anna Karenina, Leo Tolstoy.

Улыбина Е.В. - доктор психологических наук, профессор кафедры ОЗРП института психологии им. Л.С. Выготского. E-mail: evulbn@gmail.com.

Долли как идеал.

Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» не обделен вниманием критики и публики. Его экранизируют, по нему ставят пьесы. Есть даже вариант в комиксах. Причина популярности не только в таланте и славе Толстого, но и в вечной актуальности тех вопросов, которым посвящен роман. Чаще всего в центр внимания режиссеров, критиков и читателей попадает трагическая судьба Анны и проблема свободной любви, измен и пр. Но сам Толстой считал, что пишет роман о семейной жизни, о разных вариантах супружеских отношений. И потому «фоновые» персонажи в нем не менее важны, чем центральные.

Образу жены брата Анны, Дарье Александровне Облонской обычно уделяется не очень много внимания. Но если ее вспоминают, то мнения разных людей до удивления одинаковы. Так, рафинированный европейский интеллект В.В. Набоков пишет: «Рядом с этими главными героями действу-

ют другие персонажи. Стива Облонский, легкомысленный, никчемный брат Анны; его жена Долли, урожденная Щербацкая, добрая, серьезная, истрадавшаяся женщина, одна из идеальных героинь Толстого, вся жизнь которой отдана детям и несносному мужу...» (Набоков, 1996: 229) Долли, по мнению Набокова совершенна в исполнении наиболее значимой для Толстого функции женщины. «Автор проводит тонкую параллель между Долли Облонской и левинским идеалом матери, который он найдет для своих собственных детей в Кити» (Набоков, 1996: 232). Практически ту же оценку, но в более подробном изложении дает Т.Д. Проскурина, последовательница Порфирия Иванова, кандидат филологических наук из Белгорода. Проскурина уделяет Дарье Александровне гораздо больше внимания, не скупясь на положительные оценки. «В образе Долли Толстой воплотил лучшие черты женщины-матери. Долли приносит себя во служение своим детям, растворяясь в них. Долли, заботливая, хлопотливая, терпеливая, сносит все оскорбления и равнодушные поступки своего беспутного мужа.... Долли поднята Толстым на высоту, соответствующую его личному представлению об идеальной матери» (Проскурина, 2002: 77 - 78). Эта трактовка утвердилась и в школьной программе. Так, поисковик в интернете на запрос «Долли, Толстой» выдает множество ссылок на тексты сочинений-шпаргалок для школьников с фразой: «В образе Долли Толстой поэтизирует материнское чувство. Ее жизнь - подвиг во имя детей, и в этом смысле своеобразный укор Анне». Считается, что в образе Долли Толстой отразил собственное представление об идеальной матери, чьи интересы сосредоточены в детской. «Не только Кити Щербацкая, но и ее родная сестра Долли Облонская напоминают своим характером и погруженностью в домашние, семейные работы жену Толстого - Софью Андреевну» (Бабаева, 1976, 781) .

Идеализация образа матери, жертвующей собой ради детей и сохранения семьи, очень хорошо укладывается в общую структуру традиционных патриархальных ценностей. В традиционной культуре в целом, и в православной культуре в частности, женщина занимает подчиненное положение в семье, она должна служить мужу. В послании апостола Павла к коринфянам говорится: «ибо не муж от жены, а жена от мужа; и не муж создан для жены, а жена для мужа» (1 Кор. 11, 5, 7-9). Отношение Долли к мужу полностью соответствуют этому представлению.

Образ Долли представляет интерес как отражение распространенного мнения о продуктивности женской жертвенности по отношению к семье, и, продуктивности жертвенной позиции в целом, по отношению к чему бы то ни было.

Что известно о Долли?

Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» начинается с описания той самой семьи, которая «несчастлива по-своему». Долли, княгиня Дарья Александровна Облонская, сестра прелестной Кити Щербацкой. Левин, первый раз направляясь свататься к Кити, вспоминает, что был по очереди влюблен во всех сестер Щербацких, и собирался даже делать предложение этой самой Долли, но ту уже выдали замуж. В романе она уже мать семерых детей (из которых двое умерли), усталая, худая, рано постаревшая женщина. Дарья Александровна впервые показана Толстым в момент, когда она переживает недавно обнаруженный факт измены мужа, и не может решить что делать дальше. «Дарья Александровна, в кофточке и с пришпиленными на затылке косами уже редких, когда-то густых и прекрасных волоса с осунувшимся, худым лицом и большими, выдававшимися от худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанных по комнате вещей пред открытою шифоньеркой, из которой она выбирала что-то.» (Толстой, 1981: 16).

Муж – князь Степан Аркадьевич Облонский, брат Анны, – совсем не злодей. Его любят практически все окружающие, включая прислугу и детей. Он здоров, свеж, по-своему добр. Но он умеет думать только о себе и последовательно проматывает деньги жены и детей. Жену он давно не любит и не видит особого греха в небольших интрижках на стороне. Иногда, правда, и в собственном доме, по небрежности позволяя жене найти компрометирующую записку к гувернантке.

Анна Аркадьевна Каренина и приехала в Москву для того, чтобы помирить супругов. Это оказалось не сложно, так как Долли и сама не хотела уходить от мужа. Примирение состоялось, но ничего не изменило. Стива продолжил жить привычной жизнью, мало обращая внимание на жену и нужды семьи. А Долли, периодически обижаясь и грозя разводом, каждый раз прощает его и, конечно, никуда не уходит. Интересна и финансовая сторона вопроса. Степан Аркадьевич своих денег не имеет, живет на жалование, а у Дарьи Александровны есть приданое, которое должно бы достаться детям. Стива проигрывает в карты и тратит гораздо больше, чем зарабатывает, накапливая долги. Долли, возмущается, но каждый раз прощает его и подписывает документы на продажу сначала части леса в принадлежащем ей имении, а затем и всего леса. А Стива продолжает тратить деньги, зная, что всегда получит прощение, жена подпишет очередной вексель и найдет средства. В конце романа мы узнаем, что «...было получено кающееся письмо Степана Аркадьича к Долли. Он умолял ее спасти его честь, продать ее имение, чтобы

заплатить его долги. Долли была в отчаянье, ненавидела мужа, презирала, жалела, решалась развестись, отказать, но кончила тем, что согласилась продать часть своего имения. После этого Кити с невольной улыбкой умиления вспомнила сконфуженность своего мужа, его неоднократные неловкие подходы к занимавшему его делу и как он, наконец, придумав единственное средство, не оскорбив, помочь Долли, предложил Кити отдать ей свою часть имения, о чем она прежде не догадалась» (Толстой, 1982: 382). Можно не сомневаться, что и эта часть имения будет, в конце концов, продана, а деньги растрacены Степаном Аркадьевичем.

Долли – узнаваемая фигура, ее основные черты мало определяются происхождением, образованием, эпохой и политическим строем. Долли могла быть женой дворника или директора завода, могла жить в советское время или сегодня. Если относительно Анны существуют мнения, что ее судьба сложилась бы иначе при более удобной процедуре развода (что спорно), то сложно представить, какие внешние обстоятельства могли бы что-то изменить в судьбе Дарьи Александровны.

Такая устойчивость должна была бы свидетельствовать, прежде всего, о том, что действия Долли определяются исключительно психологическими причинами, основаны на некоторых личностных особенностях. Однако представляется, что устойчивость этого типа поведения вызвана не только индивидуальными чертами характера, но и поддержкой культурных норм, закрепляющих образ Долли как образ эталонного материнского поведения.

Однако стоит подробнее разобрать, из чего состоит этот эталон.

Составляющие «идеальности» Долли

Основным положительным качеством Долли, делающим ее для многих идеалом, является любовь к детям и мужу и бескорыстная жертвенность во имя этой любви. Однако внимательное чтение текста романа позволяет увидеть, что во что обходится детям и мужу эта любовь.

Говорить про отношения Долли с детьми сложно. Разве можно усомниться в том, что Долли любит своих детей, или в том, что жертвы, совершенные ради любви к детям, могут быть напрасными? Любовь матери к детям считается практически святым чувством, а как можно в чем-то подозревать или упрекать святого? Святости много не бывает, и поэтому та степень любви, которую описывает Толстой, может вызывать только восхищение и призывы к подражанию, что и наблюдается в оценках самых разных критиков. С позиции Т. Проскуриной, чью работу мы уже цитировали, поведение Долли полностью соответствует нормам православия: «Долли и не помышляет о возобновлении дела о разводе со Стивой, она знает, что, сохраняя семью, ис-

полняет священный долг. Ведь не случайно в православном писании предъявлены самые строгие требования к женщине, соблюдению всех норм и правил, разработанных религией. И именно эти религиозные и старые нравственные представления о браке, сложившиеся в семье Щербацких, впитала в себя их дочь Долли. Она смогла перешагнуть через своё оскорблённое самолюбие ради существования семьи, потому что «детям от этого будет лучше» (8, 18).» (Проскурина, 2004: 79)

Но продукт гения далеко не всегда согласуется с его же собственными идеями. И то, что Толстой сообщает о Долли и ее семье в романе, не позволяет полностью принять концепцию идеальной матери. Да, Долли много говорит о любви к детям. Толстой часто описывает ее чувство гордости и счастье, которое Долли испытывает, думая о детях. Общение с детьми доставляет Долли удовольствие почти физиологическое. «Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезным для детей, ничем так не наслаждалась, как этим купаньем со всеми детьми. Перебирать все эти пухленькие ножки, натягивая на них чулочки, брать в руки и окунать эти голенькие тельца и слышать то радостные, то испуганные визги; видеть эти задыхающиеся, с открытыми, испуганными и веселыми глазами лица, этих брызгающихся своих херувимчиков было для нее большое наслаждение.» (Толстой, 1981: 292). Долли гордится нарядами, умытыми детьми, особенно когда их можно продемонстрировать окружающим. «Часто, глядя на них, она делала всевозможные усилия, чтоб убедить себя, что она заблуждается, что она, как мать, пристрастна к своим детям; все-таки она не могла не говорить себе, что у нее прелестные дети, все шестеро, все в разных родах, но такие, какие редко бывают, - и была счастлива ими и гордилась ими» (Толстой, 1981: 289).

Но в результате всех тех нравственных жертв, на которые идет Долли ради детей эти самые дети оказываются главными пострадавшими. Когда Долли удастся увидеть детей вне иллюзии материнской любви, она замечает, что дети совсем не так хороши, как ей кажется. В минуты недовольства собой и ситуацией Дарья Александровна трезво оценивает перспективы: «... и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети. И теперь, если бы не лето у Левиных, я не знаю, как бы мы прожили. Разумеется, Костя и Кити так деликатны, что нам незаметно; но это не может продолжаться. Пойдут у них дети, им нельзя будет помогать нам; они и теперь стеснены. Что ж, папа, который себе почти ничего не оставил, будет помогать? Так что и вывести детей я не могу сама, а разве с помощью других, с унижением» (Толстой, 1982: 192) Идеальная мать Долли лишает своих детей наследства, об-

рекая их на бедность и зависимость от помощи родственников. Думая о будущем детей Долли рассчитывает на помощь «добрых людей», которые помогут мальчикам получить образование и место, а девочки будут вынуждены выходить замуж за тех, кто составляет «хорошую партию». Или станут приживалками. В романе есть образ тетки Станислава Аркадьевича, княжны Варвары, которая очень не нравится Долли. «Княжна Варвара была тетка ее мужа, и она давно знала ее и не уважала. Она знала, что княжна Варвара всю жизнь свою провела приживалкой у богатых родственников; но то, что она жила теперь у Вронского, чужого ей человека, оскорбило ее за родню мужа. (Толстой, 1982: 196) Возможно, негативные чувства Долли к княжне Варваре вызваны некоторым сходством их положения. В тот момент, о котором идет речь, Дарья Александровна живет с детьми в имении мужа сестры не только из желания быть ближе к родне, она ограничена в средствах и вынуждена так экономить. А у ее детей есть риск стать такими же приживалками.

Но что-либо предпринять ради защиты детей Дарья Александровна не пытается. Странная получается любовь!

Если говорить о психологическом смысле феномена, то, скорее всего, в данном случае речь идет не о любви, а о симбиотической связи. В норме симбиотическая связь матери и ребенка формируется к полутора – двум месяцам, когда ребенок начинает отвечать на улыбку матери, и, если все идет хорошо, к трем годам должен завершиться процесс преодоления симбиоза. Но иногда эта тесная, аффективно насыщенная связь сохраняется и дольше, что затрудняет матери и подрастающему ребенку контакт с реальностью. «Фантазии и реальность смешиваются для матери, если состояние слияния и симбиоза ... не прервано психологически. Фантазии и реальность смешиваются для ребенка, если поведение матери не дает ему опыта достаточно хорошего приспособительного материнства, в котором хорошее и плохое интегрированы, а не расщеплены. Это приводит к трудности отделения как матери от ребенка, так и ребенка от матери» (Пайнз, 1997: 88) Долли постоянно пребывает в мыслях о детях. Она занято только ими. Но каков результат? Воспитание детей складывается не совсем благополучно. «Она поняла, что те ее дети, которыми она так гордилась, были не только самые обыкновенные, но даже нехорошие, дурно воспитанные дети, с грубыми, зверскими наклонностями, злые дети» (Толстой, 1981: 300).

Но такие мысли не часто посещают Долли. Дети для нее – это продолжение ее самой, та часть себя, которую она предъявляет миру и которая выполняет функцию красивого фасада. Долли радуется тому, что посетивший

их Левин может увидеть ее в окружении смеющихся довольных детей «во всей ее славе. Никто лучше Левина не мог понять ее величия, и в чем оно состоит» (Толстой, 1981: 294) Величие Долли – в факте существования детей и их количества. Наличие детей позволяет примириться с потерей привлекательности, о чем она постоянно вспоминает, с отсутствием любви и внимания мужа. Долли использует детей как средство уйти от осознания своей несчастной личной жизни. Это вполне закономерное явление. «Матери, довольные собой как женщиной, не умеющей принимать отца как мужчину, трудно отделить себя от ребенка, ибо она надеется жить в нем заново, наверстать все упущенное ею самой» (Пайнз, 1997: 88) Мы не знаем, какими вырастут дети Долли, как сложится их судьба. Но вероятность психологических проблем достаточно велика.

В самых общих чертах можно говорить о гипертрофированной материнской любви. «Невроз материнской любви представляет собой патологическую привязанность, состоящую в непреодолимом желании отдать ребенку всю себя, что доставляет тем более сильное удовольствие, чем сильнее зависимость. Максимум возможного наслаждения достигается за счет бесконечной самоотдачи, взамен мать получает от ребенка такое же бесконечное восполнение самой себя» (Эльячефф, Эйниш, 2006: 21) Это восполнение мы видим в восхищении ручками и ножками херувимчиков, гордостью количеством детей и пр. Дети в этом случае используются как основной (если не единственный) источник поддержания самоуважения, ощущения собственной ценности. Дети позволяют Долли заглушать чувство неудовлетворенности в отношениях с мужем. «Хлопоты и беспокойство эти были для Дарьи Александровны единственно возможным счастьем. Если бы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о муже, который не любит ее» (Толстой, 1981: 289).

Почему Долли не уходит от мужа и почему она оплачивает его долги?

Если дети в результате жертв Долли получают нищету, то, может, ее любовь к мужу столь сильна, что заставляет ее терпеть все и жертвовать ради этой любви интересами детей?

Долли часто говорит о своей любви к мужу. Но любит ли она его? Стоит вернуться к началу романа, в котором сообщается о первом серьезном конфликте в семье Облонских. Дарья Александровна обнаружив записку, впервые соприкоснулась с фактом измены, и это разрушило, как пишет Толстой, ее счастье. «Ты не поверишь, но я до сих пор думала, что я одна женщина, которую он знал. Так я жила восемь лет. Ты пойми, что я не только не подозревала неверности, но что я считала это невозможным, и тут, пред-

ставь себе, с такими понятиями узнать вдруг весь ужас, всю гадость... Ты пойми меня. Быть уверенной вполне в своем счастье, и вдруг... - продолжала Долли, удерживая рыдания, - и получить письмо... письмо его к своей любовнице, к моей гувернантке. Нет, это слишком ужасно!» (Толстой, 1981: 80) В этой ситуации Долли волнует исключительно факт измены и того, сохранил ли Степан Аркадьевич отношения с гувернанткой или «там у него уже все». Можно предположить, что в течение предыдущих восьми лет Степан Аркадьевич вел себя точно так же, и интрижка с гувернанткой не была ни первой, ни единственной. Это значит, что при всей любви Долли просто не замечала ни особенностей поведения мужа, ни его реального отношения к себе. Создается впечатление, что Долли просто не видит мужа. Записку к гувернантке видит, а мужа - нет. Пока записка не попадает на глаза - все хорошо.

Наличие супружеской верности - это единственная деталь, которая имеет значение для Долли. Отсутствие душевной близости, заботы, интереса к потребностям жены и детей - Дарьей Александровной не рассматриваются и не учитываются. Как видно из текста романа, их нет, и не было. Однако это ни как не влияет на чувства Долли и даже не заставляет ее понять, что в ее семейно жизни «что-то не так». Можно ли считать ее чувства любовью? Вряд ли можно действительно любить того, кого не знаешь и не пытаешься узнать.

В любом случае ее любовь к мужу - это любовь к тому, кого она не замечает и с кем не способна находиться в душевном контакте. «Я вышла замуж, и муж обманывал меня; в злобе, ревности я хотела все бросить, я хотела сама... Но я опомнилась; и кто же? Анна спасла меня. И вот я живу. Дети растут, муж возвращается в семью и чувствует свою неправоту, делается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить!» (Толстой, 1981: 433). Из текста романа совсем не следует, что Стива после полученного прощения становится чище и лучше, но иллюзии Дарьи Александровны относительно ценности прощения не были нарушены. Ведь если усомниться в том, что муж «делается лучше и чище», то тогда в чем смысл прощения? «А жизнь ее была не весела. Отношения к Степану Аркадьичу после примирения сделались унижительны. Спайка, сделанная Анной, оказалась непрочно, и семейное согласие надломилось опять в том же месте. Определенного ничего не было, но Степана Аркадьича никогда почти не было дома, денег тоже никогда почти не было, и подозрения неверностей постоянно мучали Долли, и она уже отгоняла их от себя, боясь испытанного страдания ревности» (Толстой, 1981: 136). Если смотреть со стороны, то грехи Стивы не ограничиваются изменами. Он продолжает жить как холостой человек, мало дума-

ет о семье, не заботится о детях и их будущем, он разоряет семью. Но все это вообще не попадает в зону внимания Долли, не вызывает у нее эмоционального отклика, не способно ни как повлиять на ее чувства к мужу.

Что же в действительности происходит, как складываются столь прочные отношения в семье Облонских?

Итак, детям терпение Долли пользы не приносит, любви мужа не прибавляет, да и ее любовь к мужу выглядит как-то сомнительно. Так что получает сама Дарья Александровна от своей жертвенности? Почему она не уходит от мужа? Разводы во времена Толстого были возможны, в его окружении были женщины, разошедшиеся с мужьями и вышедшие замуж второй раз. Если все формальности были соблюдены, то свет к этому относился спокойно. В начале романа Долли думает о возвращении в родительский дом как о вполне возможном действии. Но не совершает его.

Текст романа Толстого дает прямой и однозначный ответ – в основе поведения Долли страх не справиться с новыми обстоятельствами, страх самой отвечать за организацию жизни. «Первый взрыв ревности, раз пережитый, уже не мог возвратиться, и даже открытие неверности не могло бы уже так подействовать на нее, как в первый раз. Такое открытие теперь только лишило бы ее семейных привычек, и она позволяла себя обманывать, презирая его и больше всего себя за эту слабость» (Толстой, 1981: 136). И в первом случае, оскорбленная той самой злополучной запиской, Долли остается с мужем, предполагая, в том числе, что не сможет в доме отца наладить быт столь же удобно, как он налажен в доме Облонского. И этот аргумент оказывается одним из важнейших, удерживающих ее от перемен. Дарья Александровна не хочет принимать решения и что-то менять. Если бы она совершила какое-то действие, то за последствия отвечала бы она. А последствия могли бы быть и не самыми приятными. «Она все еще говорила, что уедет от него, но чувствовала, что это невозможно; это было невозможно потому, что она не могла отвыкнуть считать его своим мужем и любить его. Кроме того, она чувствовала, что если здесь, в своем доме, она едва успевала ухаживать за своими пятью детьми, то им будет еще хуже там, куда она поедет со всеми ими. И то в эти три дня меньшей заболел оттого, что его накормили дурным бульоном, а остальные были вчера почти без обеда. Она чувствовала, что уехать невозможно; но, обманывая себя, она все-таки отбирала вещи и притворялась, что уедет» (Толстой, 1981: 17). У Долли не получается самой наладить жизнь детей и она опасается, что не сможет справиться с бытовыми задачами и дальше.

Кроме желания сохранить привычный уклад и нежелание действовать Долли не хочет лишиться и существенного морального преимущества. В ее положении жертвы есть ощутимая вторичная выгода. В отношениях Долли с мужем прослеживается четкое распределение ролей, в котором Дарья Александровна играет роль жертвы «плохого» поведения мужа. Стива плохо решил задачу обустройства семьи на лето в имении, и Долли с детьми мучается от заливающего сквозь крышу дождя, поломанных шкафов... Вместе с тем, сама Дарья Александровна, приехав в собственную деревню ничего не могла сделать с отсутствием лошадей, купален, прачечной и пр. «Она хлопотала изо всех сил, чувствовала безвыходность положения и каждую минуту удерживала слезы, наворачивающиеся ей на глаза», пока прислуга, Матрена Филимоновна, не решила всех проблем. «Скоро под акациями учредился клуб Матрены Филимоновны, и тут, через этот клуб, состоящий из приказчицы, старосты и конторщика, стали понемногу уравниваться трудности жизни, и через неделю действительно все образовалось» (Толстой, 1981: 288)

И так во всем. Долли не умеет вести хозяйство, ее экономия оказывается мелочной и не дает существенных результатов. Хорошо ли она воспитывает детей? По мнению Левина – плохо, дети растут грубыми, плохо образованными, не умеющими ценить чужой труд. Но пока Долли живет с мужем, все неполадки можно относить за счет дурного поведения Стивы. И ни у кого не возникнут подозрения, что Долли плохая мать и плохая хозяйка. Наоборот, Дарья Александровна для всех, включая читателей, сохраняет образ святой несчастной женщины.

Но кроме покоя и репутации Дарья Александровна получает и максимально возможный для нее контроль над ситуацией при минимальной ответственности. Положение дел таково, что в действительности все, касающиеся семьи решения принимает сама Долли. Она проводит лето в деревне для того, чтобы сократить расходы, в то время, как Степан Аркадьевич «взяв почти все деньги из дому, весело и приятно проводил время на скачках и на дачах» (Толстой, 1981: 286). Т.е. получается, что своей жертвенностью Долли, по сути, поощряет безудержные расходы мужа. Она покупает возможность быть хорошей на фоне «плохого» мужа. Да, делает долги Стива. Но векселя подписывает Долли, и, таким образом, именно она является истинным субъектом траты семейных денег. В такой ситуации она переживает иллюзию контроля семейного бюджета, может не только расходовать деньги, но и решать, простить мужа или не простить. Прощая, она занимает властную позицию в доступной для нее форме. Она находится в положении доброго родителя не только по отношению к собственным детям, но и по отношению к мужу,

который играет в балованного ребенка. В качестве примера можно привести диалог с мужем после первого примирения. « - Я Анну хочу перевести вниз, но надо гардины перевесить. Никто не сумеет сделать, надо самой, - отвечала Долли, обращаясь к нему. - Ах, полно, Долли, все делать трудности, - сказал муж. - Ну, хочешь, я все сделаю... - Знаю, как ты все сделаешь, - отвечала Долли, - скажешь Матвею сделать то, чего нельзя сделать, а сам уедешь, а он все перепутает, - и привычная насмешливая улыбка морщила концы губ Долли, когда она говорила это. - Совсем нет, отчего ты так презираешь нас с Матвеем? - сказал Степан Аркадьич, улыбаясь чуть заметно и обращаясь к жене» (Толстой, 1981: 86) Долли привычно берет решение проблемы на себя, подчеркивая, что муж все равно сделает все плохо. Выявив слабость мужа она может чувствовать себя уверенно и тешить себя иллюзией управления ситуацией. Муж, конечно, соглашается, а Дарья Александровна с удовольствием занимается гардинами. Это такая семейная игра - в неумелого мужа и трудолюбивую жену.

Мы можем рассматривать поведение Дарьи Александровны как соответствующее нормам своего времени и круга, но в других героинях романа мы не видим столь разрушительного поведения. Развод в то время был возможен, Долли могла, не разводясь и не боясь осуждения света, уйти от мужа и жить отдельно, сохраняя имущество детей. Она могла просто ограничивать траты мужа. Но после первого порыва она даже не пыталась что-то сделать для облегчения своего существования, смирившись с тем, что только такая форма жизни для нее доступна.

Можно ли считать, что несчастья Долли и ее детей - это прежде всего неизбежные следствие неудачного замужества? И если бы Константин Дмитриевич был немного порасторопнее и посватался бы раньше, то с ним Долли была бы счастлива? Разумеется, невозможно делать прогнозы, особенно учитывая, что Долли и Облонский - это герои романа, но можно с большой уверенностью говорить о том, что те особенности характера, который Толстой приписывает Долли с высокой степенью вероятности должны были привести к жизни, полной страданий и несчастий.

Толстой предоставляет слишком мало материала для полноценной обоснованной диагностики характера Долли, но, судя по имеющимся данным, можно предположить у нее мазохистский тип личностной организации.

Кернберг различает здоровую способность жертвовать собой и патологическую. Для последней характерно выраженное саморазрушение и тяжелая агрессия, что мы можем наблюдать в поведении Долли. Агрессия проявляется как по отношению к самой себе, так и по отношению к детям.

Она болезненно худа, утомлена и измучена частыми родами (что Толстой, конечно, считал абсолютно естественным для замужней женщины). Дети, как мы уже видели, становятся стараниями матери нищими. Над мужем одержана полная и безоговорочная моральная победа. Но все это маскируется глубоким страданием Дарьи Александровны. В случае Долли речь идет о патологической жертвенности, свойственной мазохизму. Моральный мазохизм проявляется в выраженном саморазрушительном поведении – такие люди часто становятся жертвами домашнего насилия, они могут долго жить с неподходящими партнерами – алкоголиками, наркоманами, игроками и пр., оправдывая себя тем, что делают это ради блага детей, ради любви к злодею, стремясь исправить своего мучителя. Когда речь идет о поведении, в котором проявляется мазохизм, то подразумевается, что человек терпит насилие ради достижения цели, которая оправдывает его страдания (сохранение семьи) или предотвращает нечто более болезненное (например, возможность остаться одному), или и то, и другое вместе (Мак-Вильямс, 1998, С. 334).

Считается, что саморазрушение представляет собой агрессию, пере направленную на себя. Но часть агрессии косвенно задевает и окружающих, причем так, что сам мазохист оказывается ни при чем. Говоря о мазохисте, Алби и Паше отмечают, что для него характерна установка, согласно которой «Я буду страдать, но я наслаждаюсь этим; я буду наказан, подвергнувшись избиению, однако перенесенные удары освободят меня и оправдают; я хочу, чтобы меня кастрировали, но разыгранная кастрация защитит меня от настоящей; я хочу быть жертвой, но, в конечном счете, я и палач» (Алби, Паше, 2001, с. 490). При том, что мазохисты часто жертвуют собой ради близких – ухаживают за больными родственниками, спасают алкоголиков, заботятся о бездельниках и пр., те, кому эти жертвы приносятся, редко бывают счастливы рядом с ними. При том, что Долли жертвует буквально всем ради детей, ее жертвы не идут им впрок. Старания мазохиста редко приносят действительную помощь потому, что для людей с такого рода нарушениями характерно преобладание моральной победы над решением практических вопросов (Мак-Вильямс, 1998, С. 339). Долли не пытается улучшить положение детей, она не пытается сделать мужа «чище и нравственнее», ей достаточно чувствовать себя хорошей, заботящейся о детях и прощающей мужа.

Окружающие платят за страдания мазохиста двояким образом – они не получают реальной помощи, но оказываются в неоплатном долгу перед ним.

В основе мазохизма лежит стремление во что бы то ни стало удерживать возле себя других людей и их внимание. «Эти люди боятся быть остав-

ленными гораздо больше, чем боли или смерти» (Мак-Вильямс, 1998, С. 341), потому что их жизнь строится на обманчивом убеждении, что без союза (пусть даже травмирующего) со значимым объектом они не существуют, что они просто не в силах жить одни. Муж и дети служат для Долли дополняющими объектами, позволяющими маскировать ощущение собственной неполноты. Как считается, истоки природы мазохизма лежат в проблемах неразрешенной зависимости (Мак-Вильямс, 1998, с. 341), при которой человеку не удалось сформировать целостный образ самого себя, независимый от отношений с ухаживающим объектом. В этом случае и во взрослом возрасте сохраняется ощущение собственной недостаточности, неполноты и «плохости». А значит, он должен платить за право быть рядом с кем-то своим страданием. Защититься от переживания своего несовершенства им помогает проецирование его во вне и стремление показать, что окружающие просто ужасны. Долли, как мы помним, ощущала себя не очень хорошей хозяйкой, и не очень хорошо воспитывала детей. Но на фоне вины мужа ее недостатки были совершенно незаметны.

Отношение Долли к детям и мужу представляют собой не любовь, а зависимость, аддикцию. «Аддикция существует, когда привязанность человека к ощущению, объекту или другому человеку такова, что уменьшает его оценку других вещей в его окружении или в нем самом ... так что он становится во все возрастающей степени зависимым от этого переживания, как от единственного источника удовлетворения» (Пил С., Бродски А. 2005: 74). И единственного источника ощущения собственной значимости. Дети дают Долли ощущение того, что она существует и что она имеет какую-то ценность. Чем больше детей – тем больше значит и сама Долли. Чувство гордости за своих детей – нормальное чувство для каждой матери. Но у Долли нет иных интересов и иных форм жизни, кроме как в заботе о детях и мыслях о муже.

Гораздо важнее вопрос о том, почему Долли считается идеальной матерью? Разумеется, дело не в невнимательном чтении. Скорее это проявление более глубоких закономерностей, действующих на уровне культуры.

Мазохизм поощряется отечественной культурой, так как не противоречит ценностям страдания и смирения, обладающим для православного сознания сакральной ценностью. Страдание выступает как средство оплаты, как искупление за грехи и как обещание последующей награды. Смирение дает возможность снять с себя ответственность и принимать ситуацию, ничего не меняя. Именно так и ведет себя Долли.

Мазохисты выгодны любой патриархальной культуре, так как усиливают зависимость человека от властных фигур и сложившейся социальной

структуры. В отношении к Долли со стороны социальной системы (со стороны среды, окружения и читателей) прослеживается та же вторичная выгода, которая существует у Долли в отношении к мужу. Некоторые побочные следствия поведения Долли, как представляется, определяют позитивное отношение к ней (восхищение ее жертвенностью) со стороны некоторых других героев и читателей. В результате обнищания Долли в конце романа уже вынуждена принимать помощь от семьи Кити и будет вынуждена обращаться за помощью в дальнейшем. Тем самым усиливается зависимость Долли от родственников и «добрых людей».

А значит можно быть уверенным как в лояльности Долли по отношению к существующему положению вещей, к существующим нормам поведения, к окружающим и их поступкам, так и в возможности контролировать поведение Долли и ее детей. А это с позиций ценностей так называемых «коллективистских культур» – позитивный результат, а значит поведение Долли действительно идеально с учетом всех последствий.

Когда речь идет о системе ценностей – сложно выносить однозначные суждения. Во времена Э. Дюркгейма вполне допустимо было утверждать, что одни культуры являются примитивными, а другие – развитыми. Примитивным культурам, писал французский социолог, свойственна механическая социальность, при которой индивидуальное начало еще совсем слабо выделяется из коллективного. С развитием цивилизации повышается значимость индивидуальных различий, и социальность формируется не на основе обязательности, а на основе добровольного выбора. В настоящее время эволюционный подход к культуре не является единственным и в духе политкорректности приятно говорить о множественности путей развития человечества, что не предполагает сравнения по принципу низшие/высшие культуры. Но и вне акцента на иерархичности в культурологии и социальной психологии существует различие культур по преимущественной ориентации на ценности коллективизма или индивидуализма. «Коллективистские культуры подчеркивают взаимосвязь любого человека и определенных коллективов (например семьи, племени, нации). Индивидуалистские культуры подчеркивают, что люди не зависят от своих групп» (Триандис, 2003: 75). Для коллективистских культур характерны ценности консерватизма, сохранения традиций, недоверчивое отношение к изменениям. И, естественно, в рамках этих культур действуют механизмы, защищающие сложившиеся нормы от изменений. «Люди всегда находили, что легче строить свое эго, исходя из чего-то большего – Бога, страны, социального положения или семьи. Сегодня, однако, нас не обеспечивают при рождении жизнеспособными версиями этих констант; мы

должны искать некую самодельную достоверность, чтобы зацепиться за нее» (Пил, Бродски, 2005, с. 189). Но это получается далеко не у всех, что вызывает напряженность и тревогу, так как большинство людей сейчас не приспособлены к тому, чтоб выжить в экзистенциальном вакууме и создавать собственную систему ценностей (Пил, Бродски, 2005, с. 188). Для таких людей мазохизм – это естественное и комфортное состояние, позволяющее даже не отказываться от себя, но и не становиться отдельной личностью, заменяя детский симбиоз с родительскими фигурами симбиозом с другим объектом, выполняющим функцию наказывающего Супер - Эго. Удовлетворение достигается, если удастся найти того или то, чему можно служить и радостно жертвовать всем, получая взамен ощущение своей значимости и морального превосходства.

В российской культуре были и остаются сильны коллективистские элементы, а следовательно то, что усиливает зависимость человека от социального окружения работает на сохранение существующего положения вещей и не вызывает протеста. Поддерживая жертвенность Долли, культура защищает себя от изменений.

Стоит отметить, что этот аспект отношения к поведению Долли обычно не попадает в сферу внимания, что лишь усиливает его действие.

На уровне культуры в целом, и на уровне отечественной культуры, действуют разнонаправленные механизмы, с одной стороны стимулирующие изменения, а с другой – сохраняющие существующее положение вещей. Образ Долли как идеальной матери играет на закрепление коллективистских ценностей культуры и тормозит стремление что-то изменить. Но, однако, текст романа Толстого дает возможность в полной мере оценить реальную цену материнской жертвенности, которую вынуждены оплачивать дети. А значит, именно им стоит осторожнее относиться к существующим социальным стереотипам.

Анализ образа Долли как отражение мазохистского уровня организации личности дает возможность проиллюстрировать обаяние это типа патологии на конкретном примере и показать связь такого типа нарушений с культурной ситуацией, показать, как культурный контекст поддерживает развитие такого типа нарушений. Поведение героини Толстого наглядно показывает, как человек с мазохистским поведением извлекает из своей ситуации вторичную выгоду, заставляя расплачиваться за это свое окружение.

Определение Долли как страдающей мазохистским нарушением позволяет понять идеализируемую культурой жертвенность, как деструктивную

и разрушающую не только того, кто жертвует, но и того, ради кого приносятся жертвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алби Ж-М, Паше Ф. Психоаналитическая концепция мазохизма со времён Фрейда: превращение и идентичность/ кн. Энциклопедия глубинной-психологии. Т1,- М.: «Когито-центр», 2001.- с. 483-498.
2. Бабаева Э. Примечания // Л.Н. Толстой. Анна Каренина. М., 1976.
3. Доддс М.Л. Психическая беспомощность и психология зависимости // Психология и лечение аддиктивного поведения. М., 2000.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
5. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996.
6. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
7. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. Спб., 1997.
8. Пил С., Бродски А. Любовь и зависимость. М., 2005.
9. Проскурина Т.Д. Семья в произведениях русских писателей. Белгород, 2004.
10. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Собр. Соч. в 22 томах. Т 8, М., 1981, Т. 9, 1982.
11. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
12. Эльячефф К., Эйниш Н. Дочки-матери – 3-й лишний? М., 2006.